

УДК 343.42; 343.33; 343.34

DOI: 10.17223/22253513/35/9

Ю.С. Пестерева, П.В. Пошелов, И.Г. Рагозина, Е.И. Чекмезова

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 148, 282, 354.1 УК РФ

Дается уголовно-правовая характеристика способов обмена информацией в социальных сетях на примере ст.ст. 148, 282, 354.1 УК РФ. Отмечается несоответствие содержания ст. 282 УК РФ принципу правовой определенности в связи с наличием термина «социальная группа», предлагаются критерии разграничения ст. 282 УК РФ со ст. 148 УК РФ и ст.ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ, анализируется законодательная конструкция ст. 354.1 УК РФ, предлагаются пути решения изученных проблем.

Ключевые слова: обмен информацией в социальных сетях, экстремизм, нарушение права на свободу совести, реабилитация нацизма.

Социальные сети – это интернет-площадки, на которых объединяются социальные позиции для создания и поддержания межличностных связей, построения взаимоотношений. Социальная сеть позволяет распространять и потреблять информацию, но в первую очередь является инструментом для общения людей, имеющих одинаковые интересы, склонности, деятельность. Интернет как коммуникативная технология продолжает активно объединять людей [1. С. 157]. К сожалению, соцсети используются не только с благими намерениями, с их помощью совершаются преступления, происходит обмен информацией криминального характера. Только за 10 месяцев 2018 г. в России зарегистрировано 56 377 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Нами приведены данные только за этот период, поскольку в соответствии с изменениями, внесенными Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 28 августа 2017 г. № 592 в форму федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС, учитываться они стали с января 2018 г.

Развитие информационных технологий и появление новых средств коммуникации создает определенные сложности в сфере применения отдельных норм уголовного законодательства. Статья 282 УК РФ устанавливает ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Согласно официальной статистике Верховного Суда РФ, в 2017 г. по ч. 1 этой статьи были осуждены 460 человек [2]. В разное время законодатель определял модель поведения, предусмотренную ч. 1 ст. 282 УК РФ, в качестве преступления как небольшой, так и средней тяжести. Однако анализ судебной практики показал, что, несмотря на категорию, такие деяния признаются представляющими

повышенную общественную опасность. Так, например, Кировский районный суд г. Томска, мотивируя решение о выбранной им мере наказания, указал в приговоре, что он «учитывает изложенные выше обстоятельства, однако, поскольку подсудимым совершено умышленное преступление против основ конституционного строя и безопасности государства и представляющее в этой связи повышенную общественную опасность, считает обоснованным назначить наказание в виде лишения свободы» [3]. Некоторые суды обосновывали повышенную общественную опасность этого преступления тем, что оно относится к преступлениям экстремистской направленности, которые долгое время были своего рода «трендом».

Привлечение к уголовной ответственности за действия, связанные с обменом информацией в социальных сетях, обладает своей спецификой. Актуальность информации определяется в секундах, и сообщение, полученное с задержкой, может уже не иметь никакого значения [4. С. 68]. Простейший способ ускорить получение информации – максимально сжать ее, например свести текст к одной (нескольким) фразам, заголовку, картинке, где автор может высказать только принципиально важное, отказавшись от подробностей. В связи с этим наиболее распространенными способами обмена информацией в социальных сетях являются «посты» (запись, оставленная на «стене» личного аккаунта или группы, т.е. короткое сообщение), «мемы» (единица культурной информации, любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео), «репосты» (повторение / дублирование публикации информационного материала), «лайки» (средство, помогающее пользователю сети Интернет выразить свое одобрение к выложенному контенту в социальных сетях и на других интернет-ресурсах), «демотиваторы» (изображение, состоящее из картинки в рамке и комментирующей ее надписи-слогана, составленное по определенному формату). Данные способы имеют свою специфическую форму и уникальное содержание, отражающее личностные особенности самого коммуникатора. Именно содержательный компонент «поста», «мема», «репоста», «демотиватора» и «лайка» подлежит оценке с точки зрения уголовного права.

Так, размещение «репоста» какой-либо записи без комментариев к ней лица, сделавшего «репост», автоматически не означает одобрения ее содержания и не влечет наступления уголовной ответственности, как и поставленный к какому-либо «посту» «лайк». Может возникнуть закономерный вопрос: «Как вообще возможно обосновать такую ответственность за поставленный в сети “лайк”?» На сайте «Одноклассники», например, «лайк», поставленный к какой-либо записи, автоматически означает публикацию этой записи на странице лица, поставившего «лайк». С такой публикацией получают возможность ознакомиться друзья данного лица, а значит, появляются публичность и массовость. Похожий механизм в социальной сети «ВКонтакте»: поставленный «лайк» означает появление записи в ленте друзей этого лица.

В «репостах» может содержаться различная информация. Если она обращена в адрес какой-либо социальной группы, то возникают определенные проблемы в применении ст. 282 УК РФ. Как отмечает А.А. Рукавишникова (Плашевская), необходимо в первую очередь, чтобы та или иная формулировка обеспечивала ясность и недвусмысленность ее понимания [5. С. 73]. По мнению Т.В. Непомнящей, в законотворческой деятельности законодатель должен основываться на определенных общих принципах – основополагающих идеях, реализация которых обеспечивает качество и эффективность всей системы права [6. С. 87]. Изучение судебной практики показывает, что чаще всего к «социальным группам» относят антифашистов, участников Великой Отечественной войны, «патриотов», сотрудников полиции, представителей власти, мигрантов и т.д.

По вопросу, являются ли сотрудники полиции (либо судьи или иные представители власти) социальной группой, в научной среде нет единого мнения. Так, в 2008 г. блогера Савву Терентьева осудили по ст. 282 УК РФ за возбуждение ненависти и вражды по отношению к сотрудникам полиции (на момент осуждения – милиции). Однако по уголовному делу в отношении участников арт-группы «Война» (2011) эксперты пришли к выводу, что сотрудники полиции не являются социальной группой [7].

К. Белоусов и Я. Костюковский полагают, что «современное отечественное социогуманитарное знание вообще и социология в частности в настоящее время не выработали единого подхода к пониманию термина “социальная группа”» [8]. Поскольку большинство приговоров по ст. 282 УК РФ выносятся за разжигание ненависти или вражды в отношении таких социальных групп, как «сотрудники полиции» и «представители власти», нас, безусловно, заинтересовало мнение правоприменителей. На вопрос: «Отнесли бы Вы сотрудников полиции и судей к социальной группе?» – утвердительно ответили лишь 33% опрошенных следователей. Анкетирование судей показало, что 100% респондентов относят сотрудников полиции и судей к социальной группе. С учетом изложенного присутствие данного понятия в статье видится нецелесообразным.

Верховный Суд РФ, внося изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», отметил, что сами по себе «лайки», «репосты» не могут свидетельствовать о том, что в действиях лица присутствует состав преступления. Необходимо рассматривать контекст размещенной информации, т.е. были ли комментарии лица, разместившего соответствующую информацию, сам ли он создал «пост» либо же это был «репост», каков характер других записей на странице данного лица. При этом у правоохранительных органов возникает обязанность доказать, что именно обвиняемый разместил соответствующую информацию на своей странице, поскольку это могли сделать иные лица, знающие его логин и пароль, или же страницу могли «взломать», или лицо заходило на страницу с чужого компьютера, например в общественном месте, и не вышло оттуда, и этим воспользовались посторонние лица.

На фоне общественного резонанса, вызванного расследованием уголовных дел, в которых лица обвинялись за «репосты», сохраненные картинки, публикации в соцсетях «мемов» и записей, оскорбляющих определенные группы, в Государственную Думу РФ были внесены законопроекты, направленные на частичную декриминализацию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Согласно пояснительной записке к одному из законопроектов, декриминализация обосновывается целями «исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства».

Анализ мнения правоприменителей, среди которых было 50 следователей СУ СК РФ по Омской области и 38 судей районных судов г. Омска, показал, что они в основном поддерживают редакцию ст. 282 УК РФ. Среди опрошенных следователей таких оказалось 72%, среди судей – 90%. За установление административной преюдиции высказались 18% следователей и 6% судей. Полную декриминализацию ч. 1 ст. 282 УК РФ поддерживают 10% следователей и 4% судей. Полагаем, что наиболее оправданным является вариант с установлением административной преюдиции, что приведет к сокращению числа лиц, имеющих судимость за рассматриваемое преступление.

В правоприменительной деятельности нередко возникают спорные вопросы относительно отграничения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, от правонарушений, предусмотренных ст.ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ. Статья 20.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, ст. 20.29 КоАП РФ – за производство и распространение экстремистских материалов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 11 разъясняется, что «преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. При решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации,

в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений».

До указанного разъяснения единого подхода среди правоприменителей по вопросу разграничения ст. 282 УК РФ со ст.ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ не было. Довольно часто встречались случаи привлечения к уголовной ответственности за публикацию материала, внесенного в федеральный список экстремистских материалов. В качестве одного из таких решений приведем приговор судьи Северского городского суда Томской области от 24 апреля 2015 г.: «...примерно с 14-летнего возраста увлекся идеями национализма, читал книгу Гитлера, поставил в комнате портрет последнего, повесил фашистский флаг, рисовал свастики в подъезде и на неоднократные замечания не реагировал» [9].

В большинстве приговоров, вынесенных по ст. 282 УК РФ, присутствовало несколько эпизодов деяния (несколько «постов», картинок, аудио- и видеофайлов). И в качестве отдельных эпизодов нередко выступали публикации с изображением нацистской символики. Однако эти деяния являются административными правонарушениями, а не уголовными преступлениями. Такие публикации нужно рассматривать не как эпизоды преступной деятельности, за которые в итоге будет назначено наказание, а как доказательства умысла лица на возбуждение ненависти и вражды. Из более чем 100 изученных нами судебных решений только в одном суд указал на то, что невозможно привлекать к уголовной ответственности за демонстрацию нацистской атрибутики и символики: «Суд признает обвинение ... по эпизодам от ... и ... необоснованным, поскольку размещение в сети Интернет снимков с изображением нацистской атрибутики или символики не образует состава уголовного преступления. Ответственность за такие действия предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ» [10].

Обратимся к ст. 148 УК РФ (нарушение права на свободу совести и вероисповеданий). В 2013 г. диспозиция ч. 1 этой статьи была изменена. В этой связи хотелось бы провести разграничение ст.ст. 148 и 282 УК РФ (поскольку обе устанавливают ответственность в том числе и за размещение высказываний, связанных с религией). По нашему мнению, ст. 282 УК РФ необходимо применять, когда лицо в «репостах», «постах», «демотиваторах» утверждает об исключительности одной религии перед другими и при этом присутствуют отрицательные характеристики представителей другой религии (по причине того, что эти лица не исповедуют «правильной» религии, а не из-за неуважения или ненависти к религии как таковой). Если же лицо высказывает унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки верующих, при этом не называя одну религию «правильной», а другую – «неправильной», тогда это деяние следует ква-

лифицировать по ч. 1 ст. 148 УК РФ. Еще одно различие – отсутствие в ст. 282 УК РФ такого признака, как «явное неуважение к обществу».

Практика применения этой статьи не такая обширная. За 2017 г. к ответственности по ч. 1 ст. 148 УК РФ привлечены четыре лица (наиболее резонансный из таких случаев произошел в Екатеринбурге, где был осужден блогер Руслан Соколовский), по ч. 2 – одно лицо. Решая вопрос, что приоритетнее – защита свободы слова либо же защита чувств определенных групп населения, выделенных по религиозному признаку, законодатель выбрал последнее. Однако эта статья достаточно часто попадает в поле критики правозащитников, аргументы которых обращены к нормам Конституции РФ о светском государстве (ст. 28). В этой связи респондентам был задан вопрос о том, противоречит ли ст. 148 УК РФ конституционным принципам равенства граждан независимо от вероисповедания и необходима ли ее декриминализация. Большинство опрошенных (80% следователей и 90% судей) высказались против ее декриминализации.

Еще одной статьей, которая предусматривает ответственность за размещение какой-либо информации в сети Интернет, является ст. 354.1 УК РФ. Часть первая данной статьи предусматривает ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично. Часть третья – за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично.

Применение этой статьи также вызывает затруднения. Одна из проблем заключается в том, что в тексте диспозиции отсутствует указание на цель, которую должно преследовать лицо, размещающее подобную информацию в социальных сетях. Нередко в СМИ писатели, правозащитники и политики соревнуются друг с другом в реальной оценке количества жертв репрессий. Случаи явного преувеличения этого количества всегда умышленны и практически всегда содержат в себе признак заведомости. Налицо – преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Однако проблема в том, что в данном случае распространение таких сведений никаким образом не «реабилитирует» нацизм, не посягает на мир и безопасность человечества. И таких неоднозначных моментов в предвоенной и военной истории СССР достаточно: пакт Молотова–Риббентропа, катынский расстрел, депортации чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар и других народов.

С какой же целью такие сведения распространяются посредством «постов» и «репостов» в социальных сетях? А.С. Сенявский и Е.С. Сенявская отмечали следующее. Во-первых, распространение заведомо ложных све-

дений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны носит чисто политический характер. «...Позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов» [11. С. 304].

Во-вторых, отмечается также стремление приписать основную заслугу в победе над фашистской Германией странам Запада. И наконец, рассматривая цель подобного рода высказываний российских политиков и публицистов, авторы говорят даже об откровенных фальсификациях по принципу «чем хуже, тем лучше». Такие политики и публицисты считают, что «разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения “тоталитарного режима” и его идеологии» [Там же].

Следовательно, высказывания о негативной стороне деятельности СССР во Второй мировой войне носят скорее политический, антикоммунистический (но не одобряющий нацизм) характер.

Еще одним дефектом ст. 354.1 УК РФ является отсутствие ограничения пределов действия этой статьи, поскольку она может распространяться и на публикации в сети Интернет научных изысканий в сфере изучения истории Второй мировой войны. Однако установление ответственности за научные исследования – прямое нарушение ст. 29 Конституции РФ. Поэтому полагаем, что ст. 354.1 УК РФ необходимо дополнить примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на научную деятельность по изучению истории Второй мировой войны, если такая деятельность не имеет целью оправдание нацизма».

На вопрос относительно целесообразности установления ответственности за отрицание либо одобрение каких-либо исторических фактов подавляющее большинство судей и следователей (90 и 96% соответственно) ответили отрицательно. На вопрос: «Считаете ли вы, что публичное оправдание (одобрение) отдельными лицами действий нацистов может привести к повышению популярности и распространению нацистской идеологии?» – утвердительно ответили 100% судей и 99% следователей. Как видим, респонденты однозначно оценивают негативный потенциал распространения подобных сведений, однако считают, что бороться с этим следует не при помощи норм уголовного права (возможно, мер административной ответственности, мер профилактики, образования и воспитания будет достаточно).

Обобщая все вышесказанное, отметим, что криминализация способов обмена информацией в социальных сетях обусловлена таким их свойством, как публичность. При квалификации указанных действий следует обращать внимание как на содержание информации и ее адресатов (пример – социальные группы), так и на внешние признаки, позволяющие отделить деяния, предусмотренные ст.ст. 148, 282, 354.1 УК РФ, от административных правонарушений.

Литература

1. Шинтарь Ю.Н. Роль и место интернет-сети в коммуникации современных подростков // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер. Педагогика. Психология. 2016. № 4 (6). С. 156–159.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>
3. Приговор Кировского районного суда г. Томска от 1 декабря 2017 г. № 1-541/2017 1-547/2017 по делу № 1-541/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
4. Зубкова Н.Б. Информация в интернет-медиа: «расширение» человека // Человек в мире культуры. 2012. № 2. С. 68–71.
5. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 70–83.
6. Непомнящая Т.В. Современная российская уголовная политика: проблемы право творчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 86–94.
7. Полиция – не социальная группа. Уголовное дело в отношении активистов арт-группы «Война» закрыто. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2011/10/d22788>
8. Эксперты признали чиновников социальной группой. URL: <http://newsland.com/user/4296757178/content/eksperty-priznali-chinovnikov-sotsialnoi-gruppoi/4222401>
9. Приговор Северского городского суда Томской области от 24 апреля 2015 г. № 1-87/2015 по делу № 1-87/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
10. Приговор Новоржевского районного суда Псковской области от 27 мая 2015 г. № 1-12/2015 по делу № 1-12/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
11. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 299–310.

Pestereva Julia S., Poshelov Pavel V., Ragozina Irina G., Chekmezova Elena I., Omsk Law Academy (Omsk, Russian Federation)

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERIZATION OF WAYS TO INFORMATION EXCHANGE ON SOCIAL NETWORKS ON THE EXAMPLE OF ARTICLES 148, 282 AND 354.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: information exchange on social networks, extremism, violation of the right to freedom of conscience, rehabilitation of Nazism.

DOI: 10.17223/22253513/35/9

The authors consider the criminal-legal assessment of the ways for disseminating information from the Internet on the example of Articles 282, 148 and 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, based on court practice and expert surveys. The article notes that the basis of criminal prosecution for actions related to the exchange of information on social networks has its specificity. It is necessary to analyze the context of information, to establish whether it was the commenting of the actions of another person who posted the relevant information, whether the perpetrator created the "post" by himself or it was a "repost", the nature of other entries on the page of that person. At the same time, law enforcement agencies are bound to prove, in particular, the fact that it was the accused who posted the relevant information on his page.

The criminal-legal assessment of the content of "reposts," "posts" and "likes" shows that Article 282 of the Russian Criminal Code does not correspond to the principle of legal certainty in connection with the existence of the term "social group" in it. The difficulties of

demarcating Article 282 of the Russian Criminal Code (using the Internet) with Articles 20.3 and 20.29 of the Russian Administrative Code are shown. The authors conclude that it is unacceptable to prosecute for the online publication of material included in the federal list of extremist materials, with no comments. Repeated online publications depicting Nazi symbols cannot be considered as episodes of criminal activity within Part I, Article 1.282 of the Criminal Code of the Russian Federation. These acts make up an administrative offence but can serve as evidence of a person's intent to incite hatred and hostility in the system of all actions.

The distinction is made on the ways of exchanging information on social networks, which fall simultaneously under the indicia of Articles 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, it is concluded that under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation it is necessary to qualify cases when a person places information on the Internet, claiming the exclusivity of one religion before others and giving negative characteristics to the representatives of another religion. If a person expresses negative assessments against believers, while not naming one religion correct and another - incorrect, then this activity should be qualified under Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The features of legislative construction of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are examined.

It is noted that the above Article doesn't contain a goal which should be pursued by the person posting such information on social networks. Moreover, the scope of validity of the Article which can be extended to cases of posting historical and scientific information on social networks, is not specified. It is proposed to make a note to Article 354.1 of the Russian Criminal Code: "the action of this Article does not apply to scientific activities connected with the study of the history of the Second World War unless such activity is intended to justify Nazism."

References

1. Shintar, Yu.N. (2016) Rol' i mesto internetseti v kommunikatsii sovremennykh подростков [The role and place of the Internet network in the communication of modern adolescents]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya.* 4(6). pp. 156–159.
2. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Vvodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 god* [Summary statistics on criminal record in Russia for 2017]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>
3. Sudact.ru. (2017) *Prigovor Kirovskogo rayonnogo suda g. Tomska ot 1 dekabrya 2017 g. № 1-541/2017 1-547/2017 po delu № 1-541/2017* [The verdict of the Kirov District Court of Tomsk dated December 1, 2017 No. 1-541/2017 1-547/2017 in Case No. 1-541/2017]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/>
4. Zubkova, N.B. (2012) Informatsiya v internet-media: "rasshirenie" cheloveka [Information on the Internet media: human "expansion"]. *Chelovek v mire kul'tury.* 2. pp. 68–71.
5. Rukavishnikova (Plashevskaya), A.A. (2014) Genesis of the category "legal certainty" in modern legal science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 3(13). pp. 70–83. (In Russian).
6. Nepomnyashchaya, T.V. (2015) Modern Russian criminal policy: the problems of law making and law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2(16). pp. 86–94. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/16/10
7. Sova-center.ru. (2011) *Politsiya – ne sotsial'naya gruppy. Ugolovnoe delo v otnoshenii aktivistov art-gruppy "Voyna" zakryto* [The police is not a social group. The criminal case against activists of Art-group "Voyna" is closed]. [Online] Available from: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2011/10/d22788>

8. Newsland.com. (2011) *Eksperty priznali chinovnikov sotsial'noy gruppoy* [Experts recognized officials as a social group]. [Online] Available from: <http://newsland.com/user/4296757178/content/eksperty-priznali-chinovnikov-sotsialnoi-gruppoi/4222401>

9. Sudact.ru. (2015a) *Prigovor Severskogo gorodskogo suda Tomskoy oblasti ot 24 aprelya 2015 g. № 1-87/2015 po delu № 1-87/2015* [Verdict No. 1-87/2015 of the Seversky City Court of Tomsk region of April 24, 2015, in Case No. 1-87/2015]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/>

10. Sudact.ru. (2015b) *Prigovor Novorzhevskogo rayonnogo suda Pskovskoy oblasti ot 27 maya 2015 g. № 1-12/2015 po delu № 1-12/2015* [Verdict No. 1-12/2015 of the Novorzhevsky District Court of Pskov Region dated May 27, 2015, in Case No. 1-12/2015]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/>

11. Senyavsky, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2009) *Vtoraya mirovaya voyna i istoricheskaya pamyat': obraz proshlogo v kontekste sovremennoy geopolitiki* [World War II and historical memory: the image of the past in the context of modern geopolitics]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 4. pp. 299–310.